

«а наведе грех наших ради Святополка, якоже древле наведе на Иерусалим Антиоха»¹ (А. Шахматов, стр. 49). Отмечая злодейство в разных видах, Хроника Георгия Амартола дает и нравоучительную параллель к избиениям. Изображено, как Амвросий медиоланский запрещает вход Феодосию в храм за его безумное кровопролитие в Селуни, картинка, наглядно позорящая жестокость русских князей, бравших города на щит в эпоху междоусобий. Затем он изображен получающим прощение, пролив слезы покаяния, и молится в присутствии Амвросия, «ниц на земле лежа». На сравнение с этими картинками напрашивается плач и раскаяние князя Игоря, взявшего на щит город Глебов, погубившего невинное население от мала до велика и затем говорящего с молитвой: «Но, владыко, господи боже мой, не отрини мене до конца, но яко воля твоя, господи, тако и милость нам, рабом твоим» (Ипатьевск. лет. под 1185 г.).

С другой стороны, в Хронике Георгия Амартола являются и другие, уже благодетельные параллели. Так, на рис. 102 изображен высокий и сильный ангел, поражающий 185 тысяч ассирийцев под начальством Сенахериба. Это наказание ассирийцев, воевавших Иерусалим, имеет свое начало в живописи, повидимому, с VIII в., так как Иоанн Дамаскин описывает картину, писаную восковыми красками и изображавшую избиение ассирийцев ангелом, и Давида, поющего псалом. Этому грозному ангелу, защитнику Иерусалима, уподобляется Александр Невский, защитник Руси,² а храбрость его приравнивается «аки царя римского Еуспасиана, иже бе пленил всю Подиудейскую землю». Эти средневековые параллели, так ярко выступающие в выборе библейских тем в иллюстрациях Хроники и не менее яркие в литературных произведениях и летописях, можно закончить указанием на такие картины Хроники, которым отклик дает средневековый русский быт. Так, изображения Соломона, Давида, Сампсона и его подвигов не требуют литературных аналогий, так как общеизвестны. Сампсону и Давиду приравнивается уже Владимир, затем Ярослав и т. д. У Илариона в его Слове говорится о Владимире и Ярославе: «Он», т. е. Ярослав, «недокончанная тобою доконча, аки Соломон Давыдова». Точно так же образцы благонравия повторяются и на русской почве. Так, гневный Феодосий, заставляющий сыновей своих почтить Арсения поклонами в землю, в русской летописи имеет разные параллели: «Судислав же обоумая нозе его, обещаюся работе» (Ипатьевск. лет., стр. 738); или — «Изяслав же с великою

¹ Migne. Part. c. compl. I. De imaginibus, pp. 13—14.

² Лавр. лет., стр. 206. Этот ангел есть арх. Михаил: «но ангел мой идетъ с вами» — Ипатьевск. лет., лл. 1112—1113, стр. 237.